

УДК 316
ББК 60.5
DOI: 10.26907/2079-5912

Информационный научно-аналитический журнал
КАЗАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК
#3 2021 (3)

Учредитель: ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Издательство: Издательство Казанского университета

ISSN 2079-5912

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-75726 от 08 мая 2019г.

Журнал размещен в Научной электронной библиотеке (участвует в программе по формированию РИНЦ).

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № 11899.

Адрес в сети Интернет: www.kpfu.ru/isfnmk/kazanskij-socialno-gumanitarnyj-vestnik

Редакционная коллегия

Р.Г. Минзаринов (главный редактор) – д-р социол. наук, профессор

В.А. Беляев – д-р полит. наук, профессор

А.Г. Большаков – д-р полит. наук, профессор

А.Н. Ершов – д-р социол. наук, профессор

М.Ю. Ефлова – д-р социол. наук, профессор

Г.В. Морозова – д-р экон. наук, профессор

Ж.В. Савельева – д-р социол. наук, доцент

А.Р. Тузиков – д-р социол. наук, профессор

Ю.Р. Хайруллина – д-р социол. наук, профессор

Т.М. Шатунова – д-р филос. наук, профессор

М.Д. Щелкунов – д-р филос. наук, профессор

Howard Davis – PhD in Sociology, Professor at the Bangor University (United Kingdom)

Matsuzato Kimitaka – Doctor of Law, Professor at Hokkaido University (Japan)

Andrei P. Tsygankov – PhD in Political Science, Professor at San Francisco State University (USA)

Васильева Е.И., Зерчанинова Т.Е. РУССКИЙ МИР ЗА РУБЕЖОМ: ПОДДЕРЖКА МОЛОДЫХ РОССИЙСКИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ.....	4
Кузнецова А.В. СЛУЧАЙ «ПОДЕМОС»: ЗАКАТ ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫХ ПАРТИЙ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ?	8
Кулиш В.В. СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ НАСТАВНИЧЕСТВА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ШКОЛЕ	14
Лаукарт-Горбачева О.В., Осиповская М.П. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ АДАПТАЦИИ И ТРУДОУСТРОЙСТВА ВЫПУСКНИКОВ ШКОЛ И ШКОЛ-ИНТЕРНАТОВ ДЛЯ ДЕТЕЙ С ОВЗ	18
Низамова Л.Р. ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИКАХ ПОВОЛЖЬЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТАТАРСТАНА И УДМУРТИИ	22

Vasileva E.I., Zerchaninova T.E. RUSSKIY MIR ABROAD: SUPPORT OF YOUNG RUSSIAN COMPATRIOTS BY NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS	4
Kuznetsova A.V. THE CASE OF PODEMOS: THE SUNSET OF THE RADICAL LEFT PARTIES IN WESTERN EUROPE?.....	8
Kulish V.V. THE MODERN PRACTICES OF MENTORING IN SOLVING THE PROBLEM OF PRESERVING HISTORICAL MEMORY AT SCHOOL	14
Laukart-Gorbacheva O.V., Osipovskaya M.P. PROBLEMS OF SOCIAL AND LABOR ADAPTATION AND EMPLOYMENT OF SCHOOL AND BOARDING SCHOOL GRADUATES FOR CHILDREN WITH DISABILITIES.....	18
Nizamova L.R. THE LINGUISTIC SITUATION IN THE NATIONAL REPUBLICS OF THE VOLGA REGION: A COMPARATIVE ANALYSIS OF TATARSTAN AND UDMURTIA.....	22

РУССКИЙ МИР ЗА РУБЕЖОМ: ПОДДЕРЖКА МОЛОДЫХ РОССИЙСКИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

DOI: 10.26907/2079-5912.2021.3.4-7

Аннотация. Сегодня негосударственные акторы играют все более важную роль в публичной дипломатии, в том числе, корпорации и неправительственные организации. В статье рассматривается опыт Российской Федерации по формированию новой публичной дипломатии, реализуемой посредством неправительственных организаций по отношению к молодым российским соотечественникам, проживающим за рубежом. В статье рассмотрены результаты анкетного опроса российских молодых соотечественников (n=2042 человека), проживающих в 54 зарубежных странах, и 31 интервью с экспертами из 16 зарубежных стран. Установлено, что, несмотря на расширение деятельности российских НПО в области публичной дипломатии, результативность их поддержки молодых российских соотечественников остается не высокой: низкий охват проводимыми мероприятиями и их небольшая узнаваемость. Анализ экспертных оценок показал, что наблюдаются большие страновые отличия в результативности работы НПО.

Ключевые слова: соотечественники, Русский мир, неправительственные организации.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00760.

Публичная дипломатия претерпела существенные изменения со времен холодной войны как в теории, так и на практике. Гейне охарактеризовал эту трансформацию как переход от «клубной» к «сетевой» модели [1, р. 3–10]. Если ранее дипломатия была прерогативой и функцией правительств, в современном мире она включает в себя действия множества различных акторов, использует активные формы общения и взаимодействия в различных целях: от формирования туристической привлекательности до привлечения иностранных инвестиций, от формирования национального имиджа до влияния на международные дела.

Когда в конце 1991 года распался Советский Союз, Российская Федерация значительно сократила свое присутствие в публичной дипломатии. Однако в последние годы Россия усилила данное направление. Другие страны также трансформируют свои методы и технологии. Цель исследования – изучить опыт Российской Федерации по формированию новой публичной дипломатии, реализуемой посредством неправительственных организаций (да-

лее – НПО) по отношению к молодым российским соотечественникам, проживающим за рубежом.

Сегодня негосударственные акторы играют все более важную роль в публичной дипломатии, в том числе, корпорации и НПО. Хотя эти организации не являются официальными органами, они могут способствовать достижению целей внешней политики. ООН определяет НПО как «некоммерческую организацию, членами которой являются граждане или ассоциации граждан одной или нескольких стран, и чья деятельность направляется коллективной волей ее членов в ответ на потребности обществ, с которыми сотрудничает НПО» [2].

Выделяются 4 причины роста влияния НПО в публичной дипломатии:

- НПО больше не делегируют правительствам выражать свое отношение по международным вопросам;
- рост правоспособности НПО и готовности участвовать в процессе разработки и реализации государственной политики;

– технологическая революция обеспечивает мгновенный доступ к миру;

– международное лидерство определяется силой идей и способом их передачи [3].

Таким образом, по мнению исследователей, изменения в политической и технологической среде, побудили новых акторов к участию в публичной дипломатии. Конкурентное преимущество НПО по сравнению с государством состоит в том, что они обладают «авторитетом, опытом и соответствующими сетями» [4]. НПО представляют собой идеальный механизм для вовлечения, установления доверия и приобретения авторитета. НПО непосредственно контактируют с целевыми группами. Такой непосредственный механизм взаимодействия может использоваться для преодоления негативных стереотипов, предубеждений и фреймов, значительно снижая искажение восприятия, определенного политики или даже целой страны посредством СМИ.

МИД России поддерживает и развивает отношения с НПО. Согласно Указу Президента России № 605, они официально участвуют в реализации внешнеполитического курса Российской Федерации. В 2012 году проведено около 250 мероприятий в рамках взаимодействия МИД и НПО. Россотрудничество поддерживает отношения примерно со 150 НПО в таких сферах как поддержка соотечественников за рубежом, социальная политика, культура, права человека и межкультурный диалог. Многие НПО ориентированы на общественность США и Европы. Новые географические направления деятельности российских НПО появляются в Китае, Индии, Африке, Латинской Америке и странах Юго-Восточной Азии [5]. В настоящее время существует около 5000 официально зарегистрированных НПО, занимающихся внешней политикой, из которых 859 имеют международный статус [6].

Для изучения результативности работы российских НПО с соотечественниками при участии авторов было проведено эмпирическое социологическое исследование. Теоретико-методологической основой исследования являются теория деятельности и деятельностный подход, которые позволяют изучить содержание, направления и результаты деятельности НПО по поддержке молодых соотечественников за рубежом. При проведении исследования была использована смешанная количественно-качественная стратегия. Для опроса молодых российских соотечественников, проживающих в 54 зарубежных странах, использовался анкетный опрос с помощью Google Формы. Выборка квотная по полу и возрасту, объем выборки составил 2042 человека. Для опроса 31 эксперта из 16 зарубежных стран использовался метод свободного интервью. Для отбора экспертов использовались такие критерии как

место работы и стаж работы. В состав экспертов вошли ученые-исследователи, представители органов государственной власти, представители некоммерческих организаций, вузов и других учебных заведений, чья деятельность связана с темой исследования.

Согласно данным анкетного опроса, о работе НПО знает только 7,6% опрошенных молодых российских соотечественников, проживающих за рубежом. Респондентам был предложен открытый вопрос, отвечая на который, они самостоятельно вписывали наименования знакомых им НПО: Русская община Латвии, Русская гуманитарная миссия, Волонтеры Победы, Координационный совет Соотечественников в Ирландии, Русский Мир, Забытые Солдаты, Ассоциация учителей русских школ Литвы, Centrum Brusinka, Патриотическое движение «Наши», Лиза Алерт, Общество «ЛАД», Матери Донбасса, Русское общество Анталии, «Эдурас», Всемирный Конгресс Татар.

Только 2,6% респондентов принимали участие в мероприятиях, которые проводили НПО. Поддержку от российских НПО получили 1,3% от всех опрошенных (27 человек). Среди полученных мер поддержки от НПО респонденты назвали организацию празднования Дня Победы, организацию поездок, таких как «Узнай Россию» и др., бесплатную юридическую помощь, помощь в подготовке проектов, материальную помощь, изучение русского языка.

Таким образом, несмотря на расширение деятельности российских НПО в области публичной дипломатии, результативность их работы остается не высокой. Аналогичные данные были получены и в результате экспертного опроса:

Эксперт 12: Среди моих коллег молодого возраста о такой поддержке я не слышала.

Эксперт 7: Негосударственные меры поддержки есть, но часто это совет и обмен вещами.

Анализ экспертных оценок показал, что наблюдаются большие страновые отличия в результативности работы НПО. В ряде стран эксперты отмечали активную роль НПО, например, во Франции и странах Балтии.

Ситуация с распространением коронавирусной инфекции, по мнению экспертов, актуализировала работу российских НПО в части предоставления помощи и общения, что повысит их узнаваемость и активность.

Эксперт 14: Когда началась пандемия, от русского сообщества Анталии инициатива наша исходила к присоединению к акции взаимопомощи «Мы вместе». Мы присоединились, сделали везде объявления, стали публиковать все новости, переводить с турецкого на русский язык, проводить информационную помощь, финансовую помощь, материальную поддержку в виде продуктовых наборов. Пенсионерам, которым нельзя было выходить на улицу, волонтеры наши брали заказ, ездили в магазины привозили

им продукты или из аптек что-то. Психологи наши общались, где-то медики русскоязычные.

Эксперты отметили, что получают помощь не от российских правительственных и неправительственных организаций, а от зарубежных:

Эксперт 14: Турецкие общественные организации больше нас поддерживают, в том числе в виде предоставления аппаратуры для проведения наших мероприятий, предоставление бесплатных концертных залов, например, где мы можем проводить наши конкурсы, фестивали.

Эксперт 17: Нас очень хорошо поддерживают европейские общественные организации. От них больше поддержки, огромное количество программ, проектов и меньше бюрократии.

Таким образом, несмотря на представление об активной и более эффективной роли НПО в реализации публичной дипломатии, они пока демонстрируют невысокие результаты работы с молодыми российскими соотечественниками: низкий охват проводимыми мероприятиями

и их небольшая узнаваемость. Вместе с тем, «мягкую силу» стоит рассматривать как долгосрочный проект, который сложно реализовать, а его результаты носят отсроченный характер. Российские НПО обладают высоким потенциалом, поскольку могут быть очищены от коннотаций, связанных с российским бюрократическим аппаратом, что позволит выстроить гармоничные отношения с различными целевыми аудиториями. Желание российских дипломатических представительств контролировать объединения российских соотечественников, проживающих за рубежом, нивелирует это конкурентное преимущество НПО, снижает инициативность и самостоятельность, с одной стороны, а с другой, способствует разобщению внутри российской диаспоры за рубежом. В этой связи необходимо расценивать эффективность работы российских НПО не на основе отдельных политических побед, а через создание прочных отношений с различными сообществами, в том числе с российскими соотечественниками.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Heine, J. On the Manner of Practicing New Diplomacy. 2006. Waterloo, Canada: The Centre for International Governance Innovation.
2. United Nations, Economic and Social Council, Open-Ended Working Group on the Review of Arrangements for Consultations With Non-Governmental Organizations; Report of the Secretary-General, U.N. Doc. E/AC.70/1994/5
3. Zhang, J., Swartz B. C. Toward a Model of NGO Media Diplomacy in the Internet Age: Case Study of Washington Profile // Public Relations Review. – 2009. – No. 35. – P. 47–55.
4. Simons G. The Role of Russian NGOs in New Public Diplomacy // Journal of Political Marketing. – 2018. – Vol. 17. – No. 2. – P. 137–160.
5. Лавров призвал российские НПО участвовать во внешней политике РФ. URL: <https://ria.ru/20120525/657310068.html> (дата обращения: 20.09.2021).
6. Shakirov, O., Russian Soft Power Under Construction, e-International Relations. URL: <http://www.e-ir.info/2013/02/14/russian-soft-power-under-construction/> (дата обращения: 20.09.2021).

Информация об авторах

Васильева Елена Игоревна, кандидат социологических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кафедра регионального и муниципального управления.

E-mail: vasilyeva-ekb@yandex.ru

Зерчаннинова Татьяна Евгеньевна, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кафедра регионального и муниципального управления.

E-mail: zerchaninova-te@ranepa.ru

Vasileva E.I., Zerchaninova T.E.

RUSSEY MIR ABROAD: SUPPORT OF YOUNG RUSSIAN COMPATRIOTS BY NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS

Abstract. Today, non-state actors are playing an increasingly important role in public diplomacy, including corporations and non-governmental organizations. The article examines the experience of the Russian Federation in the formation of a new public diplomacy implemented through non-governmental organizations in relation to young Russian compatriots living abroad. The article considers the results of a questionnaire survey of Russian young compatriots (n=2042 people) living in 54 foreign

countries, and 31 interviews with experts from 16 foreign countries. It is established that, despite the expansion of the activities of Russian NGOs in the field of public diplomacy, the effectiveness of their support for young Russian compatriots remains not high: low coverage of the events and their low recognition. The analysis of expert assessments showed that there are large country differences in the performance of NGOs.

Keywords: compatriots, Russkiy Mir, non-governmental organizations.

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number № 20-011-00760.

Literature

1. Heine, J. On the Manner of Practicing New Diplomacy. 2006. Waterloo, Canada: The Centre for International Governance Innovation.
2. United Nations, Economic and Social Council, Open-Ended Working Group on the Review of Arrangements for Consultations With Non-Governmental Organizations; Report of the Secretary-General, U.N. Doc. E/AC.70/1994/5
3. Zhang, J., Swartz B. C. Toward a Model of NGO Media Diplomacy in the Internet Age: Case Study of Washington Profile // Public Relations Review. – 2009. – No. 35. – P. 47–55.
4. Simons G. The Role of Russian NGOs in New Public Diplomacy // Journal of Political Marketing. – 2018. – Vol. 17. – No. 2. – P. 137–160.
5. Lavrov called on Russian NGOs to participate in the foreign policy of the Russian Federation. URL: <https://ria.ru/20120525/657310068.html> (date of access: 20.09.2021).
6. Shakirov O. Russian Soft Power Under Construction, e-International Relations. URL: <http://www.e-ir.info/2013/02/14/russian-soft-power-under-construction/> (date of access: 20.09.2021).

Authors

Vasileva Elena Igorevna, candidate of Sociology, associate professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Department of Regional and Municipal Management.

E-mail: vasilyeva-ekb@yandex.ru

Zerchaninova Tatiana Evgenievna, candidate of Sociology, head of the Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Department of Regional and Municipal Management.

E-mail: zerchaninova-te@ranepa.ru

СЛУЧАЙ «ПОДЕМОС»: ЗАКАТ ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫХ ПАРТИЙ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ?

DOI: 10.26907/2079-5912.2021.3.8-13

Аннотация. Леворадикальная партия «Подемос» возникла как вспышка на политическом небосклоне Испании, вызвав интерес далеко за ее пределами. Возникнув как политическая партия в 2014 г., уже в 2015 г. «Подемос» смогла заработать более 20% голосов на всеобщих выборах, продемонстрировав до этого неожиданные успехи на выборах в Европарламент. Основой достижений «Подемос», среди прочего, стали: сложившаяся экономическая и политическая обстановка в Испании (финансовый кризис и последовавшие за ним массовые протесты), переработка политического опыта других стран (в особенности, латиноамериканских), эффективная коммуникативная стратегия и использование дискурса популизма, апеллировавшего к широким массам населения. После побед на выборах в 2015-2016 гг. влияние партии стало уменьшаться. В 2021 г. приходится констатировать, что «Подемос» так и не заняла тех главенствующих позиций, к которым стремились ее лидеры П. Иглесиас и И. Эррехон при ее основании. Причинами ослабления партии можно считать, с одной стороны, централизацию партии, смягчение ее требований и разногласия между ее лидерами. Кроме того, дискурс популизма заставил «Подемос» конкурировать не только с социал-демократами, но и с другими политическими партиями.

Ключевые слова: левые радикалы, массовые социальные движения, «Подемос», Испания, популизм.

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-011-00198 «Эволюция леворадикальных партий, движений и групп во Франции, Испании, Греции, России и Канаде в 2007 – 2018 гг.: сравнительный анализ»).

В начале 2010-х гг. леворадикальные партии Европы, при поддержке массовых протестных движений, сформулировали новые политические задачи и одержали ряд неожиданных для многих наблюдателей успехов. Испанская партия «Подемос» («Мы можем!») стала одним из наиболее ярких примеров подобного взлета западноевропейских левых радикалов. «Подемос» выросла из массовых протестов против мер жесткой экономии (также известных как «Движение Индигнадос» и «Движение 15 марта») и сформировалась как политическая партия в январе 2014 г.

Исследователи отмечают, что в качестве теоретической основы своей политической деятельности лидеры партии «Подемос» использовали своеобразную комбинацию идей А. Грашми, Э. Лаклау и Ш. Муфф [1, с.12]. Лидеры партии, в частности И. Эррехон, неоднократно писали о идейной переработке наследия этих авторов, а также работ К. Шмидта [2, с. 15–54]. Таким образом, «Подемос» можно однозначно отнести к «леворадикальным силам»

[3, с. 7]. Таковыми с начала XXI века принято считать партии и движения, находящиеся левее социал-демократии и выступающих за углубление политической демократии, а также за изменение современной неоллиберальной экономической системы [4, с. 63].

Своих первых политических побед партия «Подемос» достигла в мае 2014 г., получив пять мест на выборах в Европарламент. Такой неожиданный успех был отчасти обусловлен европейской избирательной системой, которая в отличие от испанской мажоритарной системы, открывает доступ к власти небольшим партиям [5, с. 102]. Вскоре, на всеобщих выборах в 2015 г., «Подемос» также заработала рекордные 20,7 % голосов, став по результатам третьей политической партий в испанском парламенте. В отдельных регионах, в частности, в Каталонии и Мадриде «Подемос» заняла второе место, бросив вызов социально-демократической ИСРП (Испанской социалистической рабочей партии) [6, с. 469–480]. В июне 2016 г., «Унидос Подемос»

(названная так после объединения «Подемос» с партией «Объединенные левые») повторила успех, набрав 21,2% голосов [7, с. 11].

Чем же обуславливаются подобные успехи левых радикалов в Испании и почему вскоре за ними последовали поражения? Можно отметить несколько составляющих первоначального успеха «Подемос». Во-первых, к 2015 г. в Испании сложился благоприятный политико-экономический контекст для зарождения партии «Подемос». Тяжелые последствия мирового финансового кризиса, приведшего к кризису на рынке недвижимости, спровоцировали массовые протесты. Группа активистов и преподавателей, объединившие свои усилия с небольшой леворадикальной (троцкистской) группой Антикапиталистический Левых (*Izquierda Anticapitalista*) [8, с. 5], эффективно использовали эти протесты, трансформировав всеобщее недовольство экономической ситуацией в движущую силу собственной политической кампании.

Впрочем, один из основателей партии И. Эррехон отмечает, что хотя массовые социальные протесты подтолкнули зарождение «Подемос», ее было бы некорректно назвать партией, представляющей «Движение 15 марта». «Подемос» не была создана на основе широкого политического консенсуса всех участников движения, что было бы невозможно, учитывая разнообразие их политических требований, при этом, она смогла использовать возникший исторический момент [9, с. 72–73].

Экономический кризис в Испании совпал с политическим, усугубленным коррупционным скандалом и кризисом доверия к социал-демократической ИСРП. Схожие тенденции наблюдались в то время в Греции, где социал-демократическая партия также значительно ослабила свои позиции, освободив пространство для леворадикальной СИРИЗЫ. Однако в отличие от Греции, где ПАСОК так и не восстановит своего влияния [10], позиции ИСРП окажутся прочнее. Сами же лидеры «Подемос» полагали, что политический кризис стал результатом истощения пост-франкистской политической системы. Таким образом, они позиционировали себя как альтернативу не только социал-демократии, но и другим «старым» партиям. Например, в отличие от «Подемос», в возникшем политическом вакууме уже существовавшая леворадикальная партия «Объединенные левые» не смогла воспользоваться историческим моментом [3, с. 10–13].

Второй причиной усиления «Подемос» стала ее коммуникативная стратегия, успех которой отмечали даже ее критики. «Подемос» активно использовала социальные сети и новые технологии, а один из ее лидеров П. Иглесиас регулярно выступал и на телеэкране в передаче «La Tuerka», где его прозвали «профессор с хвостиком». Именно вокруг его харизматической фигуры объединились из-

биратели. Последнее, впрочем, имело и ряд отрицательных последствий.

Кроме того, взаимодействие со странами Латинской Америки также считают одной из причин политических успехов «Подемос» [11, с. 22]. Хотя взлет левого популизма в Испании произошел на фоне схожих тенденций в других западноевропейских странах, лидеров «Подемос» вдохновлял преимущественно опыт использования дискурса популизма в латиноамериканских странах. Изучив этот опыт, И. Эррехон теоретизировал возможность применения популизма в Испании [3, с. 14].

Говоря о первоначальных успехах «Подемос», нельзя не отметить эффективность ее стратегии, которая базировалась на трех основах: популизм, трансверсальность (понимаемая основателями как объединение людей с различными, иногда противоположными, политическими взглядами) и размытость собственного демократического проекта [1, с. 18]. Эти особенности служили основной цели – привлечь среднестатистического избирателя, обеспокоенного ухудшением экономических условий и кризисом демократии, но не обязательно поддерживающего леворадикальные идеи.

Упор был также сделан на использование дискурса популизма, позволившего привлечь внимание широких слоев населения. Основу дискурса составило конструирование и противопоставление понятий «мы» и «они», «народ» и «каста». С одной стороны, партия предъявляла не только требования, характерные для левых радикалов, таких как реструктуризация внешнего долга, реформа налоговой системы и активное участие государства в экономике, с другой – избегала называть себя леворадикальной партией. Разделение на левых и правых было заменено противостоянием большинства («простых людей»), которых «Подемос» призывала к «здоровому смыслу», с привилегированным меньшинством («элитой») [12, с. 103–108].

Использование дискурса популизма было отчасти мотивировано особенностями исторического развития Испании, где признание собственных леворадикальных идей могло бы затруднить дальнейшее продвижение партии [9, с. 118–121]. П. Иглесиас писал о том, что использование дискурса популизма было вызвано желанием вести кампанию на собственных условиях, не позволяя загнать «Подемос» в узкие рамки леворадикального дискурса [3, с. 16]. Впрочем, когда ведущие политические партии, пережив первоначальный шок от успехов «Подемос», перейдут в наступление, партия примет решение четко обозначить свою леворадикальную идентичность.

Отдельно необходимо сказать о лидерах «Подемоса», задумавших и реализовавших свою идею создания жизнеспособной леворадикальной политической партии. Идеями вдохновителями партии принято считать П. Игле-

сиаса, И. Эррехона и Х. К. Монедео. Лидеры «Подемос» радикализировались ещё в конце 1990-е – начале 2000-х гг. Мадридский университет, в котором И. Эррехон и П. Иглесиас защитили свои докторские диссертации, в целом стал кузницей кадров для их партии. Лидеров «Подемос» вдохновляли идеи альтер-глобализма и опыт работы в Боливии, Эквадоре и Венесуэле. Так, П. Иглесиас был активистом Коммунистического Союза Молодежи Испании (Juventudes Comunistas), а И. Эррехон участвовал в антиглобалистском движении.

Вначале лидеры партии работали в тесном идейном и политическом взаимодействии. На этом этапе, получившем красочное название «штурма небес» (2014–2015 гг.) [13, с. 56], «Подемос» участвовала в политической гонке и одновременно формулировала свои идейные основы: «завязывала шнурки на бегу» [1, с. 37]. Это отличало ее от других леворадикальных партий (например, от греческой СИРИЗЫ) уже имевших политический опыт и опыт сотрудничества с общественными движениями. Изначально («Подемос») не надеялась так быстро и высоко продвинуться, однако именно этот начальный этап оказался для партии самым продуктивным. В это время «Подемос» в значительной мере опиралась на горизонтальные связи; существовали так называемые ячейки (исп. *círculos*) – группы, спонтанно возникшие на местах и участвовавшие как в управлении, так и в мобилизации сторонников.

После победы на всеобщих выборах 2015 г., П. Иглесиас объявил о переходе к «позиционной войне», предполагавшей усиление вертикальных связей и централизацию управления. Кроме того, возникла необходимость сотрудничества с другими политическими, в первую очередь, левыми партиями, включая социал-демократическую ИСРП. По словам П. Иглесиаса, ИСРП оказалась не в восторге от предложения «Подемос», наметившей себе роль старшего партнера [3, с. 15]. В результате, «Подемос» была вынуждена пойти на союз с «Объединенными левыми», для того чтобы укрепить свои шансы на выборах, чего, впрочем, не произошло. Название партии было изменено на «Унидос Подемос». С приходом к власти дискурс «Подемос» также меняется. В 2016 г. она начинает продвигать себя как партию «закона и порядка» позиционируя себя, с одной стороны, как борца с коррупцией, с другой – как надежного и системного игрока, а в 2018 г. заявляет о себе как о демократической альтернативе [13, с. 63–66].

Тем не менее, сотрудничество с партией «Объединенные левые» в очередной раз подчеркнуло леворадикальную ориентацию «Подемос» и усилило поляризацию среди ее избирателей. Возникновение новой партии «Граждане» (исп. *Ciudadanos*) также заставила «Подемос» четче обозначить свою политическую позицию [14, с. 24], продемонстрировав, что популистский дискурс эффективен и для

центристов (как, например, это случилось во Франции, где радикализация центра привела к победе М. Макрона на президентских выборах).

Таким образом, выбор популистского дискурса, привел к тому, что у «Подемос» появились конкуренты не только среди левых партий. Это привело к оттоку ее избирателей. К 2018 г. «Подемос» не только не обошла ИСРП, но и потеряла более миллиона голосов. Некоторые авторы полагают, что ослаблению поддержки привело усиление центрального руководства и бюрократизация партии [12, с. 114]. Став частью системы, которую она критиковала, «Подемос» потеряла свое конкурентное преимущество, а централизация партии противоречила ее попытке наладить горизонтальные связи.

Другие исследователи, напротив, считают, что «Подемос» недостаточно пожертвовала своими леворадикальными ориентирами ради политического успеха [1, с. 217]. Среди слабостей «Подемос» они отмечают отсутствие представительства в регионах и идеологическую гибкость, которая в долгосрочной перспективе оказалась проблематичной: «Подемос» не смогла закрепить за собой ту часть избирателей, которая голосовала за нее в силу протеста. Наконец, «Подемос» не смогла провести четкую линию, обособляющую ее от социал-демократии. Расширяя свой дискурс в попытке привлечь сторонников ИСРП, она в результате сформировала слишком размытую политическую программу.

Конфликт между лидерами партии также ослабил политическое влияние «Подемос». Выбранная модель организации партии, идейным вдохновителем которой стал И. Эррехон, практически исключала возможность внутренней оппозиции. И. Эррехон и его сторонники выступали за вертикаль власти, как необходимое условие создания эффективной «военной машины» и победы на выборах в кратчайшие сроки. В связи с этим все внутренние конфликты разрешались в пользу того, кто набирал большинство голосов. В мае 2015 г., из-за разногласий с другими лидерами партии, Х. К. Монедео – «номер 3» в партии, снял с себя официальные обязанности по руководству. Он продолжил участие в деятельности партии, призывая к возврату к низовой политике и сотрудничеству с общественными движениями. Две группы влияния также сформировались вокруг П. Иглесиаса и И. Эррехона. Изначально использование популистского дискурса отвечало задачам обоих. Однако П. Иглесиас, во многом благодаря регулярным телеэффирам, стал значительно более узнаваемой фигурой и укрепил свою роль в партии, которая даже приняла решение напечатать его фотографию на избирательных бюллетенях вместо традиционно используемого логотипа [8, с. 2–16]. Впрочем, частое появление П. Иглесиаса в телевизионном эфире, которое изначально позволило завоевать голоса

избирателей, вскоре тоже дало сбой и негативно отразилось на его имидже.

В феврале 2017 г. на конгрессе столкнулись три фракции. П. Иглесиас настаивал на более конфронтационной стратегии, чем предлагал И. Эррехон, изначально выступавший за объединения более широких групп населения. Депутат Европарламента М. Урбан настаивал на объединении усилий с общественными движениями. В возникших разногласиях победу одержал П. Иглесиас [5, с. 105–113]. Этот конфликт также описывают как конфликт между традиционной леворадикальной и популистской идеологиями [7, с. 2]. И. Эррехон не поддержал объединение с посткоммунистической партией «Объединёнными левыми», полагая, что это заблокирует «Подemos» на позиции леворадикальной партии. Лидеры «Подemos» также не были согласны в отношении дискурса популизма: И. Эррехон полагал, что нужно смягчить высказывания с целью привлечения потенциального электората ИСРП и сосредоточиться на парламентской работе.

Конфликт между П. Иглесиасом и И. Эррехоном привел к тому, что в январе 2019 г. И. Эррехон объявил о своем решении выступить на муниципальных выборах в Мадриде в качестве кандидата от избирательной платформы «Больше Мадрида» (исп. *Más Madrid*), а не от «Унидос Подemos», которая уменьшила свое присутствие в органах власти. Это произошло на фоне неожиданных успехов праворадикальной партии VOX, которая пришла третьей и получила 15,1 % голосов, а «Унидос Подemos» набрала лишь 12,8 %. На региональных выборах результаты также были неутешительны. В Мадриде «Унидос Подemos» пришла всего лишь пятой с результатом в 7,2 % голосов. Ее конкуренты слева «Больше Мадрида» и ИСРП набрали 17,0 % и 16,9 % соответ-

ственно. В настоящий момент всего лишь 9 % избирателей планируют голосовать за «Унидос Подemos» на предстоящих всеобщих выборах [15].

Подобное падение электоральных результатов возможно объяснить рядом факторов. Как уже отмечалось, централизация партии привела к ослаблению ее связи с социальными движениями и, соответственно, поддержки с их стороны. Вступление в союз с «Объединёнными левыми» также ударило по авторитету партии и оттолкнуло многих сторонников раннего «Подemos». Авторитета не добавила и развернутая против партии диффамационная кампания: оправившись от первоначального шока, «старые» политические партии пошли в наступление и смогли вернуть свои позиции. Кроме того, к концу 2010-х гг. острая фаза экономического кризиса была преодолена и экономическая программа «Унидос Подemos», возможно и не утратила своей актуальности, но была потеснена другими насущными вопросами, такими как пандемия COVID-19.

Трансформация «Подemos» после победы на выборах свидетельствует о стремлении партии закрепиться в сложившихся институтах власти. При этом, партии пришлось столкнуться с серьезным противостоянием как со стороны своих традиционных противников по левому флангу, так и новыми центристскими и праворадикальными партиями, которые эффективно используют схожие элементы в своей политической стратегии, в первую очередь дискурс популизма. Учитывая, что социал-демократы все еще прочно занимают свои позиции, «Подemos» вынуждена занимать пространство левее и четче обозначать себя как леворадикальную партию, теряя тем самым часть ранее привлеченного электората.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Agustín O.G., Marco Briziarelli M. Podemos and the New Political Cycle: Left-Wing Populism and Anti-Establishment Politics. Cham: Palgrave MacMillan, 2008, 314 pp.
2. Errejón I., Mouffe C. Podemos: In the Name of the People, London: Lawrence and Wishart, 2016, 160 pp.
3. Iglesias P. Understanding PODEMOS // New Left Review. – 2015. – № 93. – P. 7–22.
4. Сергеев С.А. «Новые левые» радикалы: от «Подemos» до Левого фронта // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2019. – № 6. – С. 62–66.
5. Sola J., Rendueles C. Podemos, the upheaval of Spanish politics and the challenge of populism, Journal of Contemporary European Studies. – 2018. – 1(26). – P. 99–116.
6. Orriols L., Cordero G. The Breakdown of the Spanish Two-Party System: The Upsurge of Podemos and Ciudadanos in the 2015 General Election // South European Society and Politics. – 2016. – 4(21). – P. 469–492.
7. Chazel L. & Guillermo Fernández Vázquez G.F. Podemos, at the origins of the internal conflicts around the 'populist hypothesis': A comparison of the theoretical production, public speeches and militant trajectories of Pablo Iglesias and Íñigo Errejón // European Politics and Society. – 2020. – № 1(21). – P. 1–16.
8. de Nadal L. On populism and social movements: From the Indignados to Podemos // Social Movement Studies. – 2021. – № 1 (20). – P. 36–56.
9. Errejón I., Mouffe C. Podemos: In the Name of the People, London: Lawrence and Wishart, 2016. – 160 pp.

10. Кузнецова А.В. Леворадикальные партии и движения современной Греции // Среднерусский вестник общественных наук. – 2020. – № 5. – С.167–179.
11. Астахова Е.В. «Штурм небес» или особенности политического дискурса «Подemos» // Ибероамериканские тетради. – 2016. – №1(11). – С. 21–28.
12. Kioupiolis A. Podemos: the ambiguous promises of left-wing populism in contemporary Spain // Journal of Political Ideologies – 2016. – № 2(21). – P. 99–120.
13. Ларионова М.В., Демкина А.В. Политический дискурс испанской партии «Подemos»: Рефреймирование как фактор дискурсивной эффективности // Язык и культура. – 2021. – № 53. – С. 53–71.
14. Iglesias P. Spain on the edge // New Left Review. – 2015. – № 93. – P. 23–42.
15. Spain – November 2019 general election. – <https://www.politico.eu/europe-poll-of-polls/spain/#98703> / (Accessed: 12.09.2021).

Информация об авторе

Кузнецова Александра Витальевна, Ph.D., доцент, Казанский национальный исследовательский технологический университет, кафедра социальной работы, педагогики и психологии.

Email: akuznets@alumni.nd.edu

Kuznetsova A.V.

THE CASE OF PODEMOS: THE SUNSET OF THE RADICAL LEFT PARTIES IN WESTERN EUROPE?

Abstract. The radical left party Podemos stormed into the Spanish political realm and sparked interest far beyond the country's borders. Having emerged as a political party in 2014, Podemos was able to earn more than 20 percent of the votes in the general elections already in 2015; previously, it had demonstrated unexpected success in the European Parliament elections. The foundation for Podemos' achievements, among others, were: the economic and political situation in Spain (the financial crisis followed by the mass protests), its effective processing of other countries' political experiences (especially, the Latin American countries), and an effective communication strategy coupled by the use of populist discourse, which appealed to the broader population. After winning the elections in 2015-2016, the party's influence started to diminish. By 2021, we have to admit that Podemos did not occupy those dominant positions that its leaders P. Iglesias and I. Errejón aspired to when the party was founded. The party was weakened, on the one hand, by its centralization, the softening of its political demands, and disagreements between the leaders. In addition, its populist discourse forced Podemos to compete not only with the Social Democrats but also with other political parties.

Key words: radical left, mass social movements, Podemos, Spain, populism.

Acknowledgements: The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (project No. 19-011-00198 "Evolution of left-wing radical parties, movements and groups in France, Spain, Greece, Russia and Canada in 2007 - 2018: comparative analysis").

Literature

1. Agustín O.G., Marco Briziarelli M. Podemos and the New Political Cycle: Left-Wing Populism and Anti-Establishment Politics. – Cham: Palgrave MacMillan, 2008. – 314 pp.
2. Errejón I., Mouffe C. Podemos: In the Name of the People. – London: Lawrence and Wishart, 2016. – 160 pp.
3. Iglesias P. Understanding PODEMOS // New Left Review. – 2015. – № 93. – P. 7–22.
4. Sergeev S.A. "New left" radicals: From "Podemos" to the Left Front // Kazan Social and Humanitarian Bulletin. – 2019. – № 6. – P. 62–66.
5. Sola J., Rendueles C. Podemos, the upheaval of Spanish politics and the challenge of populism, Journal of Contemporary European Studies. – 2018. – 1(26). – P. 99–116.
6. Oriols L., Cordero G. The Breakdown of the Spanish Two-Party System: The Upsurge of Podemos and Ciudadanos in the 2015 General Election // South European Society and Politics. – 2016. – 4(21). – P. 469–492.
7. Chazel L. & Guillermo Fernández Vázquez G.F. Podemos, at the origins of the internal conflicts around the 'populist hypothesis': A comparison of the theoretical production, public speeches and militant trajectories of Pablo Iglesias and Íñigo Errejón // European Politics and Society. – 2020 – № 1(21). – P. 1–16.

8. de Nadal L. On populism and social movements: From the Indignados to Podemos // Social Movement Studies. – 2021. – № 1 (20). – P. 36–56.
9. Errejón I., Mouffe C. Podemos: In the Name of the People. – London: Lawrence and Wishart, 2016. – 160 pp.
10. Kuznetsova A.V. Radical left parties and movements in Greece // Central Russian Journal of Social Sciences. – 2020. – №5. – P.167–179. (In Russ.)
11. Astahova E.V. «The storm of heaven» or features of the political discourse «Podemos» // Iberoamerikanskije tetradi. – 2016. – № 1(11). – P. 21–28. (In Russ.)
12. Kioupkiolis A. Podemos: the ambiguous promises of left-wing populism in contemporary Spain // Journal of Political Ideologies – 2016. – № 2(21). – P. 99–120.
13. Larionova M.V., Demkina A.V. Reframing as a factor of discourse efficiency in political discourse of the Spanish political party Podemos // Language and Culture. – 2021. – № 53. – P. 53–71. (In Russ.)
14. Iglesias P. Spain on the edge // New Left Review. – 2015. – № 93. – P. 23–42.
15. Spain – November 2019 general election. – <https://www.politico.eu/europe-poll-of-polls/spain/#98703> / (Accessed: 12.09.2021).

Author

Kuznetsova Alexandra Vilalievna, Ph.D., Associate Professor, Kazan National Research Technological University, Department of Social Work, Pedagogy and Psychology.

Email: akuznets@alumni.nd.edu

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ НАСТАВНИЧЕСТВА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ШКОЛЕ

DOI: 10.26907/2079-5912.2021.3.14-17

Аннотация. Статья посвящена решению проблемы изучения и сохранения исторической памяти учащейся молодежи. Предметом анализа выступают лучшие практики наставничества учителей в сельских школах Алтайского края и республики Горный Алтай. В статье на основе использования метода контент-анализа практик наставничества, выявляются типологии наставнической работы в образовательных учреждениях, показаны возможности повышения и развития профессиональных качеств и компетенций учителя как главного субъекта процесса сохранения исторической памяти школьников. В результате проведенного социологического исследования предложены актуальные и перспективные направления и формы наставничества по сохранению исторической памяти. Автор особое внимание уделяет необходимости использования и совершенствования практик наставничества в рамках сетевого взаимодействия педагогического вуза с общеобразовательными школами региона.

Ключевые слова: историческая память, сохранение исторической памяти, наставничество, школьники, учителя, школа, вуз, сетевое взаимодействие.

Знать «кто мы» и помнить историческое прошлое, наследовать опыт наших предков – одна из главных задач устойчивого развития современного российского общества. Решение такой задачи видится нами в глубоком изучении процесса сохранения исторической памяти молодого поколения.

В научном аспекте изучение исторической памяти изначально носит междисциплинарный характер, что сразу отражается на отсутствии единства в определении подходов к раскрытию её сущности и характеристик [1, 2]. На теоретико-методологическом уровне сохраняется также ряд таких проблем как: политизация исторической памяти (всё чаще встаёт вопрос о том, что нужно помнить, а что нужно забыть); «сохранении ситуации разрыва между памятью, хранимой людьми, и историей, как её преподавали и изучали на протяжении большей части жизни ныне живущие в стране люди» [3, с. 17]; соотношения знаниевого и оценочного компонентов в содержании исторической памяти, особенно учащейся молодёжи [4]; соотношении памяти индивидуальной и памяти коллективной [5, 6] и ряд других проблем.

Однако, особый интерес, на наш взгляд, вызывает изучение способов сохранения и воспроизводства исторической памяти, а также роли социальных субъектов в этих процессах. Основная часть содержания исторической памяти формируется в школе, где идёт систематическая подготовка учащихся с использованием современных средств и источников информации. От роли учителя зависит практически всё в этом процессе. Это один из главных субъектов формирования исторической памяти. Он конструирует содержание урока, подбирает материал и продумывает способы и приёмы его подачи. Ответы учащихся в социологическом исследовании на вопрос: «С какими источниками информации Вам наиболее интересно работать на уроках истории в школе?» выступают важным показателем. Школьникам больше всего интересны лекции учителя (75%), в то время, как с текстом параграфа учебника интересно работать только 19% выпускников [7]. Таким образом, не учебник, а личность учителя остается ключевым фактором в процессе формирования исторической памяти учащихся. Качество преподавания зависит, прежде всего, от профессионализма учителя: «За учителем наряду

с трактовкой и изложением официального курса истории России остается право выбора методических пособий, личной оценки, и что ещё важно - интерпретации очевидных и самых спорных исторических фактов» [7, с. 470].

Следовательно, чтобы эффективно осуществлять процесс формирования исторической памяти в школе, нужен профессионально подготовленный учитель. Но, в современных условиях развития общества, в частности системы образования, без учёта практики наставничества, это очень сложно сделать.

Наставничество широко применялось в отечественной производственной традиции, но многие его элементы где-то устарели и не имеют актуальности. Принято считать, что наставничество адресовано отдельной категории сотрудников, обычно новых, однако: «Новый взгляд на наставничество – это способ стимулировать непрерывное обучение и развитие сотрудников» [8, с.108].

О современных направлениях и формах наставничества, их влияния на процесс изучения и сохранения исторической памяти школьников можно судить по результатам социологического исследования, проведенного с использованием метода контент-анализа конкурсных методических работ учителей Алтайского края и Республики Алтай, а также по итогам работы дискуссионных площадок на первом межрегиональном форуме сельских учителей Большого Алтая «Наставничество: формула успеха» проведенного в рамках реализации соглашения о сотрудничестве с АНПО «Сельский учитель» при поддержке Фонда президентских грантов (приказ Министерства образования и науки Алтайского края от 15.09.2021 № 23-04 /10/1483).

Анализ результатов социологического исследования позволил определить и выявить три типологии наставнической работы в школе. Первая типология отражает сущность практики наставнической работы как субъектно-субъектные отношения – «учитель-учитель», «учитель-ученик», «учитель-родитель», «ученик-ученик», «школа-школа». Практически все из представленных 96 конкурсных работ отражают такую специфику наставничества как коммуникацию, непосредственное общение и обмен опытом между субъектами образовательного процесса. Например, можно выделить такие работы: «Школа – школе как форма коллективного наставничества для повышения качества образования в сельских школах», «Целевая модель «Учитель-учитель» как организационная форма наставничества в школе», «Опыт реализации целевой модели наставничества «Ученик-наставник-друг»», «(«Дети учат детей»): наставничество среди обучающихся» и т.д.

Вторая типология представлена как «наставничество в различных видах образовательного процесса». Выявлено, что 80% работ учителей отражают опыт наставничества во внеурочной деятельности, и только 20% в учебной деятель-

ности на уроках. Во внеурочной деятельности подавляющее большинство практик наставничества затрагивают организацию проектной и исследовательской работы. Например, можно выделить такие работы как: «Реализация культурно-просветительских инициатив через развитие системы наставничества в проектной деятельности», «Настройщики детских сердец (на примере творческого сотрудничества учителя и учеников в литературном объединении)», «Наставничество в проектной деятельности - новые возможности» и др.

Третья типология определена как «наставничество в различных условиях образовательной среды». Это, прежде всего реализация наставнических практик в различных типах образовательных учреждений. Например, «Практика наставничества в процессе исследовательской деятельности в дошкольном образовательном учреждении», «Ресурсы наставничества в центре «Точка роста» при реализации дополнительных общеобразовательных общеразвивающих программ», «Роль наставничества в сельской школе при организации исследовательской работы эколого-биологического направления», «Педагогический дуэт: программа наставничества в учреждениях дополнительного образования детей» и др.

Выявленные, в результате контент-анализа методических разработок учителей, типологии наставнической работы можно назвать универсальными и в большей части из них - традиционными. Инновационными, и в то же время эффективными, на наш взгляд, являются направления и формы наставничества, осуществляемые в рамках сетевого взаимодействия и вузов, и общеобразовательных школ региона. В качестве рекомендации предлагаем три таких направления и формы наставничества с целью сохранения исторической памяти учащейся молодёжи.

Первым направлением развития наставничества нам видится в практике открытия педагогическими вузами педагогических классов в ряде школ Алтайского края. Такая практика только набирает обороты, но уже наблюдается кадровая проблема. Дело в том, что дисциплины в педагогических классах закреплены за преподавателями вуза. В этом случае вырисовывается два варианта наставничества. Первый вариант, когда опытный преподаватель вуза учит школьников в таких классах, он выступает одновременно в роли наставника, как для молодых учителей школы, так и для более опытных, особенно в области организации и сопровождения научно-методической и научно-исследовательской деятельности. Это так называемая классическая форма наставничества. Однако, первый опыт показывает, что в педагогический класс приходят («вчерашие») выпускники вузов, как правило магистранты. Они не имеют должного опыта и им необходима консультативная помощь со стороны опытных учителей школы как в работе

с классом, так и в определении содержания урока. Это вторая форма наставничества, которую можно назвать «обратное наставничество».

Вторым направлением выступает практика организации вузом в общеобразовательных школах экспериментальных площадок с целью психолого-педагогического и научно-методического сопровождения научно-исследовательской деятельности учащихся. От вуза «закрепляется» учёный, преподаватель, который на постоянной основе, систематически ведёт консультирование школьников и учителей по подготовке их научно-исследовательских работ. Например, только в рамках одной из трёх экспериментальных площадок ФГБОУ ВО «АлтГПУ» на базе МБОУ «Шипуновская общеобразовательная школа имени А.В. Луначарского» в период с 2014 по 2021 гг. было подготовлено 67 научно-исследовательских работ сельских школьников по истории для участия в конкурсах различного уровня. От школы «закрепляется» ответственный учитель-предметник, который, как правило, возглавляет школьное научное общество, курирует консультативную работу с преподавателями вуза. Такую форму наставничества можно назвать «наставничество-напарничество».

Продолжением развития формы «наставничество-напарничество», а также ещё такой формы как «развивающая командировка» является практика подписания педагогическими вузами соглашений с общеобразовательными школами о тесном сотрудничестве. Такие школы получили своё название «базовые школы». Взаимодействие вуза и базовых школ предусматривает многоаспектное сотрудничество: проведение просветительских мероприятий, воспитательных мероприятий, вебинаров, конференций,

творческих встреч и т.д. Однако наибольшую актуальность в рамках сохранения исторической памяти имеют такие практики наставничества как помощь в подготовке учащихся к экзаменам по истории и, особенно, в проектной деятельности, которая приобрела статус «обязательная» и является сегодня одним из оснований перевода школьника из 10 в 11 класс. Преподаватели вуза выезжают в школы, чтобы проводить занятия с учащимися по углубленному изучению предмета. В рамках подготовки проекта по истории они знакомят ребят с традиционными и новыми методами научного исследования, правилами написания научного текста, анализа исторических источников, структурой проекта и методикой его подготовки.

Таким образом, как традиционные, так и инновационные практики наставничества обеспечивают процесс профессиональной подготовки и профессионального развития не только начинающих педагогов, но и более опытных учителей. Как показали результаты социологического исследования, современные практики наставничества многогранны по своему содержанию, направленности, формам и распространяются на всех участников образовательного процесса. От профессиональной подготовки учителя истории, как главного субъекта, обеспечивающего сохранение исторической памяти учащихся, во многом зависит общий результат сформированности исторической памяти всего молодого поколения россиян, а в конечном итоге, всего народа. Поэтому наставническая работа должна стать, сегодня, частью содержания образовательной политики на уровне страны и обязательным направлением в работе всех типов образовательных учреждений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коваленко В.В. Историческая память: сущность, основные формы, роль в обществе // Парадигмы истории и общественного развития. – 2017. – № 5. – С. 35–37.
2. Кулиш В.В., Матвеева Н.А. Функционирование исторической памяти учащейся молодежи: монография. – Барнаул: АлтГПА, 2014. – 134 с.
3. Романовский, Н.В. Новое в социологии – «бум памяти» // СОЦИС: социол. исслед. – 2011. – № 6. – С. 13–23.
4. Афанасьев А.И. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян / А.И. Афанасьев, В.И. Меркушин // СОЦИС: социол. исслед. – 2005. – № 5. – С. 11–22.
5. Лекторский В.А. Индивидуальная и коллективная память: старые проблемы и новые вызовы // Вопросы философии. – 2020. – № 6. – С. 11–17.
6. Доронина С.Г. Социальная структура прошлого: индивидуальная и коллективная память // TEMPUS ET MEMORIA. – 2020. – Т. 1. – № 1-2. – С. 36–43.
7. Кулиш В.В. Информирование выпускников Алтайского края об историческом прошлом своей страны (по материалам социологического исследования) // Мир науки, культуры, образования. – № 6 (43). – 2013. – С. 469–472.
8. Кларин М.В. Современное наставничество: новые черты традиционной практики в организациях XXI века // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2016. – № 5 – С. 92–112.

Информация о авторе

Кулиш Виталий Валерьевич, кандидат социологических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, кафедра социологии, политологии и экономики
E-mail: vitalii.kulich@mail.ru

Kulich V.V.

THE MODERN PRACTICES OF MENTORING IN SOLVING THE PROBLEM OF PRESERVING HISTORICAL MEMORY AT SCHOOL

Abstract. The article is devoted to solving the problem of studying and preserving the historical memory of students. The subject of the analysis is the best practices of teacher mentoring in rural schools of Altai Krai and the Altai Republic. The article, based on the use of the content analysis method of mentoring practices, identifies the typologies of mentoring work in educational institutions, shows the possibilities of improving and developing the professional qualities and competencies of a teacher as the main subject of the process of preserving the historical memory of schoolchildren. As a result of the conducted sociological research, current and promising directions, and forms of mentoring for the preservation of historical memory are proposed. The author pays special attention to the need to use and improve the practice of mentoring as a part of the network interaction of a pedagogical university with comprehensive schools in the region.

Keywords: historical memory, preservation of historical memory, mentoring, teachers, school, university, network interaction.

Literature

1. Kovalenko V.V. Historical memory: essence, basic forms, role in society // *Paradigmystoriiobshchestvennogorazvitiia*. – 2017. – № 5. – Pp. 35–37.
2. Kulish V.V., Matveeva N.A. Functioning of the historical memory of students: monograph. – Barnaul: AltGPA, 2014. – 134 p.
3. Romanovskii, N.V. New in sociology – "memory boom" // *SOTSIS: sotsiol. issled.* – 2011. – № 6. – Pp. 13–23.
4. Afanas'ev A.I. The Great Patriotic War in the historical memory of Russians / A.I. Afanas'ev, V.I. Merkushin // *SOTSIS: sotsiol. issled.* – 2005. – № 5. – Pp. 11–22.
5. Lektorskii V.A. Individual and collective memory: old problems and new challenges // *Voprosy filosofii*. – 2020. – № 6. – Pp. 11–17.
6. Doronina S.G. The social structure of the past: individual and collective memory // *TEMPUS ET MEMORIA*. – 2020. – T. 1. – № 1-2. – Pp. 36–43.
7. Kulish V.V. Informing graduates of Altai Krai about the historical past of their country (based on the materials of a sociological study) // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*. – № 6 (43). – 2013. – Pp. 469–472.
8. Klarin M.V. Modern mentoring: new features of traditional practice in organizations of the XXI century // *ETAP: ekonomicheskaiateoriia, analiz, praktika*. – 2016. – № 5 – Pp. 92–112.

Authors

Kulich Vitaliy Valerievich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Altai State Pedagogical University, Department of Sociology, Political Science and Economics
E-mail: vitalii.kulich@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ АДАПТАЦИИ И ТРУДОУСТРОЙСТВА ВЫПУСКНИКОВ ШКОЛ И ШКОЛ-ИНТЕРНАТОВ ДЛЯ ДЕТЕЙ С ОВЗ

DOI: 10.26907/2079-5912.2021.3.19-21

Аннотация. Трудности социально-трудовой адаптации и трудоустройства, с которыми сталкиваются выпускники школ и школ-интернатов для детей с ОВЗ, актуализируют необходимость проведения социологических и социально-педагогических исследований. Первичный анализ данных, проведенного авторами в апреле-мае 2021 г. анкетного опроса педагогов, специалистов и руководителей школ, школ-интернатов Татарстана для детей с ОВЗ, показал, что темпы роста числа обучающихся с ограниченными возможностями здоровья превышают возможности их качественного обучения, социально-трудовой адаптации и последующего сопровождения в рамках существующей в Республике Татарстан системы специализированных школ и школ-интернатов. Также актуальной является проблема недостаточной проработанности законодательной базы, которая не защищает права большинства выпускников с ОВЗ, не имеющих статуса «инвалид».

Ключевые слова: социально-трудовая адаптация, трудоустройство, выпускники с ОВЗ, школы-интернаты, готовность к трудовой деятельности.

В последние десятилетия в России наблюдается тенденция постоянного роста численности детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и детей-инвалидов. Так, по данным РИА Новости от 30 апреля 2021 г. число детей с ОВЗ за последний год выросло на 9,4% [1]. По данным Федеральной службы государственной статистики РФ с 2012 г. в 1,25 раза увеличилось количество детей-инвалидов¹: в 2012 г. – 560 тыс. чел., в 2015 г. – 605 тыс. чел., в 2018 г. – 651 тыс. чел., в 2020 г. – 688 тыс. чел., на начало 2021 г. общая численность детей-инвалидов составила 704 тыс. чел. [2]. По данным Министерства высшего образования и науки РФ наблюдается постоянный рост количества студентов с ОВЗ²: с 2013 г. в 2,2 раза увеличилось количество обучающихся в ОВЗ в ссузах и в 1,4 раза – обучающихся с ОВЗ в вузах [3, с. 184].

Несмотря на достаточно большое количество нормативно-правовых документов федерального и локального уровней (см., например, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (2012 г.), Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (1995 г.), Распоряжение Кабинета министров РТ «О мерах по реализации прав детей-инвалидов на получение начального и среднего профессионального образования» (2009 г.) и др. [4–6]), в реальных практиках выпускники интернатов и школ-интернатов для детей с ОВЗ сталкиваются с серьезными проблемами социально-трудовой адаптации и трудоустройства, что актуализирует необходимость проведения социологических и социально-педагогических исследований данной проблемы.

Результаты исследования проблем трудоустройства и социально-трудовой адаптации выпускников с ОВЗ одного из крупнейших казанских вузов показали, что одним из основных, по мнению выпускников, факторов эффективности тру-

¹ На сегодняшний день Федеральной службой государственной статистики не ведется учет и представление официальных данных по количеству детей с ОВЗ, имеются только показатели количества детей-инвалидов.

² В открытых статистических данных на официальном сайте Министерства высшего образования и науки РФ о численности студентов образовательных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования, нет сведений о количестве студентов с ОВЗ. Последний, имеющийся в открытом доступе, статистический сборник, содержащий данные по обучающимся с ОВЗ в ссузах и вузах, опубликован в 2019 г.

доустройства и адаптации является активная деятельность вузов и других заинтересованных государственных, общественных организаций по содействию их социально-трудовой адаптации, поиску подходящих вакансий и дальнейшему устройству [7].

С целью выявления мнений и оценок педагогического сообщества актуальных проблем социально-трудовой адаптации и дальнейшего трудоустройства выпускников школ и школ-интернатов для детей с ОВЗ авторами было проведено разведывательное социологическое исследование. Объектом исследования выступили педагоги, специалисты и руководители школ, школ-интернатов Татарстана для детей с ОВЗ. Предмет исследования – оценки педагогического сообщества уровня готовности выпускников к трудовой деятельности и факторов, влияющих на эффективность их социально-трудовой адаптации и трудоустройства.

В качестве основного метода сбора первичной информации использовано анкетирование. В исследовании применен один из видов вероятностной выборки – стихийная выборка. В ходе исследования были опрошены педагоги, специалисты и руководители татарстанских школ и школ-интернатов для детей с ОВЗ, проходившие курсы повышения квалификации в Приволжском межрегиональном центре повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования в период с апреля по май 2021 г.

Подавляющее большинство опрошенных – женщины (95,6%). По должностному критерию респонденты распределились следующим образом: учителя-дефектологи (сурдопедагоги, тифлопедагоги, олигофренопедагоги) – 54,1%; воспитатели школ-интернатов – 24,8%; учителя-логопеды – 7%; руководители и заместители руководителей – 6,4%; учителя-предметники – 3,4%; учителя начальных классов – 3,1%; педагоги-психологи – 1,2%. По стажу работы было получено следующее распределение респондентов: 16–30 лет – 35,8%; 8–15 лет – 25,3%; 4–7 лет – 14,4%; 1–3 года – 13%; более 30 лет – 11,7%.

В ходе исследования были опрошены педагоги и руководители, работающие в школах и школах-интернатах для детей с ОВЗ разных населенных пунктов: Казани – 40,5%; крупных городов (Набережные Челны, Нижнекамск, Альметьевск) – 31,3%; небольших городов (Зеленодольск, Заинск, Арск, Тетюши и др.) – 20%; поселков городского типа (Балтаси, Рыбная Слобода, Агрыз, Апастово и др.) – 6,3%; сельской местности – 1,9%.

В современных условиях проблема социально-трудовой адаптации и дальнейшего трудоустройства выпускников школ и школ-интернатов для детей с ОВЗ по мнению подавляющего большинства опрошенных педагогов является актуальной. Лишь 2,5% респондентов отметили, что данная

проблема не столь актуальна, как ее пытаются преподнести, и ни один респондент не выбрал вариант ответа «данная проблема не актуальна» (табл. 1).

Таблица 1

Факторы, обуславливающие актуальность проблемы социально-трудовой адаптации и трудоустройства выпускников школ и школ-интернатов для детей с ОВЗ

Факторы	Количество ответов (в %)
актуальна, так как происходит значительный рост числа детей-инвалидов и детей с ОВЗ	70,2
актуальна, так как отсутствуют специальные программы, предусматривающие учет особенностей каждого выпускника, а также возможность составления для каждого из них индивидуального плана дальнейшего обучения, персонального сопровождения и поиска работы	39,1
актуальна, так как Закон «О социальной защите инвалидов в РФ» не гарантирует и не защищает права лиц с ОВЗ, не имеющих статуса «инвалид», к которым относится большинство выпускников	32,9
актуальна, так как отсутствуют современные научно-обоснованные методики социальной подготовки выпускников к трудностям реальной жизни	17,4
актуальна, так как отсутствуют современные научно-обоснованные технологии профориентационной работы с обучающимися с ОВЗ в условиях образовательной организации	15,5
данная проблема не столь актуальна, как ее пытаются преподнести	2,5
данная проблема не актуальна	–

Значительная доля опрошенных педагогов (14,9%) выразила мнение, что нормативно-правовая база, регулирующая сферу трудоустройства лиц с ОВЗ, не имеющих статуса «инвалид», не соответствует современным потребностям, и около половины респондентов (45,3%) отметила, что она соответствует имеющимся потребностям не в полной мере. Высокий процент затруднившихся ответить (31,7%) свидетельствует, на наш взгляд, о том, что в сфере нормативно-правового обеспечения трудоустройства лиц с ОВЗ в России еще достаточно много нерешенных актуальных вопросов. В частности, актуальна проблема недостаточной проработанности нормативно-правовой базы, не защищающей на данный момент права большинства выпускников с ОВЗ, которые не имеют статуса «инвалид».

По мнению педагогов школ и школ-интернатов для обеспечения гарантий лиц с ОВЗ, не имеющих статуса «инвалид», на трудоустройство наиболее эффективными являются такие мероприятия, как обеспечение лицам с ОВЗ условий труда в соответствии с их психофизическими особенностями и индивидуальными возможностями (68,3%); стимулирование создания предприятиями, учреждениями,

организациями дополнительных рабочих мест (в том числе специальных) для трудоустройства лиц с ОВЗ (60,2%); развитие системы профессиональной переподготовки лиц с ОВЗ (31,7%); адаптация основного и вспомогательного оборудования, технического и организационного оснащения, обеспечения техническими приспособлениями (27,3%); создания условий для предпринимательской деятельности и самозанятости лиц с ОВЗ (26,1%).

Отвечая на вопрос об уровне готовности выпускников школ и школ-интернатов к трудовой деятельности, более половины опрошенных педагогов (61,4%) оценили его как средний, практически каждый пятый респондент (18,4%) назвал его низким, и лишь незначительная доля опрошенных (6,3%) высоко оценила уровень готовности выпускников к трудовой деятельности. Распределение полученных в ходе опроса ответов и большая доля затруднившихся ответить (13,9%), свидетельствует о наличии ряда актуальных проблем и нерешенных вопросов в сфере подготовки учащихся к будущей трудовой деятельности, лежащих как в плоскости учебно-методического и педагогического обеспечения, так и в сфере социально-психологической работы и сопровождения выпускников с ОВЗ.

Анализ статистических данных и результаты проведенного исследования показали, что существующая в Татарста-

не система специализированных школ и школ-интернатов не может удовлетворить возрастающие образовательные потребности. Темпы роста числа обучающихся с ОВЗ превышают возможности данных образовательных учреждений, что снижает качество обучения, социально-трудовой адаптации и последующего сопровождения выпускников и выражается в:

- отсутствии специальных программ, предусматривающих учет особенностей каждого выпускника, а также возможности составления для каждого из них индивидуального плана дальнейшего обучения, персонального сопровождения и поиска работы;

- отсутствии современных научно-обоснованных методик социальной подготовки выпускников к трудностям реальной жизни;

- недостаточном обеспечении современными научно-обоснованными технологиями профориентационной работы с обучающимися с ОВЗ.

Данные факторы обуславливают невысокий, по оценкам педагогов, специалистов и руководителей школ, школ-интернатов Татарстана для детей с ОВЗ, уровень готовности выпускников к трудовой деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. В России выросло число детей с ограниченными возможностями здоровья. Официальный сайт РИА Новости. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20210430/deti-1730713092.html> (дата обращения – 7.10.2021).
2. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gks.ru> (дата обращения – 7.10.2021).
3. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – 352 с.
4. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (послед. ред. от 02.07.2021) «Об образовании в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (дата обращения – 7.10.2021).
5. Федеральный закон от 24.11.1995 г. 181-ФЗ (послед. ред. 28.06.2021) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559 (дата обращения: 7.10.2021).
6. Распоряжение Кабинета министров Республики Татарстан от 17 августа 2009 года № 1012-р «О мерах по реализации прав детей-инвалидов на получение начального и среднего профессионального образования». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/917034544> (дата обращения: 7.10.2021).
7. Лаукарт-Горбачева О.В., Максимова О.А. Социальные аспекты трудоустройства и социально-трудовой адаптации выпускников вузов с ограниченными возможностями здоровья // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2021. – Т. 14. – № 2. – С. 34–48.

Информация об авторах

Лаукарт-Горбачева Ольга Викторовна, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, отдел этнологических исследований.

E-mail: olga241202@yandex.ru

Осиповская Марина Петровна, кандидат педагогических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Приволжский межрегиональный центр повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, отделение общей и коррекционной педагогики и психологии.

E-mail: osipovskaya-m@mail.ru

**PROBLEMS OF SOCIAL AND LABOR ADAPTATION AND EMPLOYMENT OF SCHOOL
AND BOARDING SCHOOL GRADUATES FOR CHILDREN WITH DISABILITIES**

Abstract. Difficulties of social and labor adaptation and employment, faced by graduates of schools and boarding schools for children with disabilities, actualize the need for sociological and socio-pedagogical research. The primary analysis of the data carried out by the authors in April-May 2021 of a questionnaire survey of teachers, specialists and heads of schools, boarding schools in Tatarstan for children with disabilities, showed that the growth rate of the number of students with disabilities exceeds the possibilities of their high-quality education, social labor adaptation and subsequent support within the framework of the system of specialized schools and boarding schools existing in the Republic of Tatarstan. Also relevant is the problem of insufficient elaboration of the legislative framework, which does not protect the rights of the majority of graduates with disabilities who do not have the status of "disabled".

Keywords: social and labor adaptation; employment; graduates with disabilities; boarding schools; the readiness to work.

Literature

1. The number of children with disabilities has increased in Russia. Official site of RIA Novosti. [Electronic resource]. – Access mode: <https://ria.ru/20210430/deti-1730713092.html> (date of access – 9.10.2021).
2. Official site of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.gks.ru> (date of access – 7.10.2021).
3. Social status and standard of living of the population of Russia. 2019: Stat. ed. / Rosstat. – M., 2019. – 352 p.
4. Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation". [Electronic resource]. – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (date of access – 7.10.2021).
5. Federal Law No. 181-FZ of November 24, 1995 "On social protection of disabled people in the Russian Federation". [Electronic resource]. – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559 (date of access: 7.10.2021).
6. Order of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan of August 17 2009 No. 1012-r "On measures to implement the rights of disabled children to receive primary and secondary vocational education". [Electronic resource]. – Access mode: <https://docs.cntd.ru/document/917034544> (date of access: 7.10.2021).
7. Laukart-Gorbacheva O.V., Maksimova O.A. Social aspects of employment and social and labor adaptation of graduates with physical condition // Proceedings of higher educational institutions. Sociology. Economy. Politics. – 2021. – V. 14. – No. 2. – P. 34–48.

Authors

Laukart-Gorbacheva Olga Victorovna, PhD in sociological science, associate Professor, Senior Researcher, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Department of Ethnological Research.

E-mail: olga241202@yandex.ru

Osipovskaya Marina Petrovna, PhD in pedagogical sciences, associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Privolzhsky Interregional Center for Advanced Training and Professional Retraining of Educators, Department of General and correctional pedagogy and psychology.

E-mail: osipovskaya-m@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИКАХ ПОВОЛЖЬЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТАТАРСТАНА И УДМУРТИИ

DOI: 10.26907/2079-5912.2021.3.23-27

Аннотация. На материалах полуструктурированных интервью с лидерами общественного мнения (работниками СМИ и деятелями культуры, активистами общественных организаций), проведенных летом 2021 года (16 респондентов), переписей населения 2002, 2010 гг. и микропереписи 2015 г., сведений Росстата и республиканских министерств образования в компаративном ракурсе раскрываются особенности языковой ситуации в Республике Татарстан и Удмуртской Республике. Они отражаются как в экономических и демографических процессах, степени привлекательности региона, так и содержании языковой политики, численности и относительной доле лиц титульной национальности как носителей языка, во владении родным языком и его использовании в повседневной жизни, характере изучения родного языка в школе и преподавания на титульном языке. Среди общих черт отмечаются, с одной стороны, рост уровня владения общенациональным русским языком, увеличение доли лиц титульной национальности, считающих его родным языком и выбирающих его для изучения в школе, а с другой стороны, сокращение численности носителей титульного языка, количества школ с преподаванием языков и на языках народов Поволжья, несмотря на оживление интереса к самобытной местной культуре.

Ключевые слова: родной язык, русский язык, титульный язык, изучение родного языка, Волго-Уральский регион, Россия

Благодарности: Статья выполнена в рамках проекта «Конфликтогенные факторы в сфере языка и языковой политики в республиках Поволжья и Приуралья: идентификация, технология прогнозирования и предупреждение конфликтов» по Программе фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» РАН 2020-2022 гг.

Изменение в 2017 году практики преподавания родных языков в контексте укрепления роли государственного русского языка в Российской Федерации актуализирует изучение места и будущего языков национальных меньшинств в условиях текущего этапа формирования российской нации и нивелирующих глобальных процессов. Ситуация с каждым из более чем 270 языков и диалектов [1] российских народов отличается особенными чертами и своеобразием; не менее разнородной оказывается языковая картина в российских республиках и регионах Поволжья, а значит варьируют социолингвистические ситуации, влияющие на возможности изучения школьниками их родных языков. В связи с этим представляется оправданным фокусированное сравнительное изучение конкретных кейсов. Таковыми в данной работе выступают национальные республики – Республика Татарстан и Удмуртская Рес-

спублика, являющиеся регионами-соседями и созданные приблизительно в одно время – в 1920 году, когда появились ТАССР и Вотская автономная область, преобразованная в Удмуртскую АССР в 1934 году [2, 17]; совпадает и время рождения современных Республики Татарстан и Удмуртской Республики в постсоветский период.

Характер этнокультурного развития территорий определяется совокупностью исторических, демографических, социально-экономических и политических факторов, объясняющих заметные различия в содержании и результатах этноязыковых процессов в Татарстане и Удмуртии. Если Республика Татарстан в последние десятилетия являет собой политическую и социокультурную модель активного продвижения самобытной территориальной идентичности, устремлений по сохранению титульного языка в контексте русско-татарского двуязычия, признания значимости дру-

гих местных языков, то Удмуртская Республика – это во многом типичный регион, не выделяющийся в ряду территориальных автономий России и демонстрирующий нисходящую тенденцию использования титульного языка и его преподавания в школах. Если Татарстан, будучи регионом-донором, претендует на лидирующие позиции среди субъектов федерации и демонстрирует в целом социально-экономическую стабильность и прирост населения, то в Удмуртии численность населения, более чем в 2 раза уступающая жителям Татарстана, сокращается с 2000 года, а демографическая ситуация характеризуется ростом естественной убыли. Татарстан имеет более высокие социально-экономические показатели валового регионального продукта, в том числе на душу населения, средних денежных доходов населения и низкий уровень безработицы [3, 427–428, 435–436].

Если этнический состав населения Татарстана с преобладающей и увеличивающейся в постсоветское время долей татар (53,2%) в структуре населения благоприятствует воспроизводству татарского языка, то в Удмуртии ситуация обратная. Титульная этническая общность – удмурты – заметно уступают по численности русским, кроме того доля удмуртов сократилась в последние десятилетия – с 29% до 27% [2, 45] [4] [5]. Абсолютная численность лиц титульной национальности в Удмуртии (удмуртов) почти в 4 раза уступает аналогичному показателю в Татарстане, что свидетельствует об объективно более ограниченной этносоциальной базе воспроизводства удмуртского языка. Примечательно, что татарский язык не включен ЮНЕСКО в Атлас исчезающих языков мира, находящихся в опасности, а удмуртский язык квалифицируется как находящийся под угрозой исчезновения [6]. Особенностью Удмуртии является проживание на ее территории коренного малочисленного народа бешармян численностью 2111 чел. [2], находящихся под особой защитой государства (до 2002 г. учитывались в составе удмуртов), что выделяет республику среди ее поволжских соседей.

В постсоветский период в обеих автономиях наблюдается восходящая динамика владения общегосударственным русским языком – татарами в Татарстане и удмуртами в Удмуртии, что способствовало распространению среди них двуязычия. Однако эта тенденция сопровождается процессами сокращения доли лиц титульной национальности, владеющей своим родным языком. Так, если в 2002 г. татарским языком в Татарстане владело 94% татар, то в 2010 г. – 92,4%. В Удмуртии в 2002 г. удмуртским языком владело 71,8%, а в 2010 г. – 55,8% [4] [5]. Заметно различаются не только относительные показатели владеющих языком своей национальности, но и темпы сокращения распространения языков во времени: удмуртский язык несет наиболее очевидные потери даже в титульной республике.

О различиях этноязыковой политики в соседних республиках свидетельствуют и данные о владении своим родным языком удмуртами в Татарстане и татарами в Удмуртии. Показатели владения языком своей национальности в 2010 году среди удмуртов Татарстана даже выше, чем в титульной республике (83%), тогда как среди татар Удмуртии отчетливо видны эффекты ассимиляции – лишь 42,9% владеют родным языком [4] [5]. Это, безусловно, связано с характером расселения этнических групп – как правило, проживание в сельской местности при наличии национальных школ благоприятствует сохранению родного языка. Однако следует принимать во внимание и то, что в 1990-е гг. именно крупные города стали местом актуализации устремлений по сохранению родного языка и создания национальных школ, лицеев или учебных заведений с этнокультурным компонентом. По данным В. Воронцова и Ю. Семеновой, в 2008/2009 гг. в Удмуртии насчитывалось 24 школы с изучением татарского языка, в том числе представлявшие собой исключение из правила – они размещались не только в сельской местности, но и в городах, тогда как из 327 школ с изучением удмуртского языка подавляющее большинство (300 школ) находились в сельских районах [7, 109–110]. При этом актуальные данные интервью с деятелями культуры и другими «лидерами мнения» 2021 года свидетельствуют о том, что в обеих республиках русский язык все более активно используется в сельской местности, особенно детьми и молодежью:

«Если еще пять – шесть лет тому назад в тех деревнях, где мы бывали, в определенных районах, [...] ну там просто все были удмурты, и дети разговаривали на удмуртском языке, то теперь с удивлением мы обнаруживаем, что они здороваются на русском языке, между собой разговаривают на русском языке и чаще всего; наверное, только на уроках удмуртского языка говорят на удмуртском» [И.УЗ].

Языковая однородность и замкнутость деревни ушли в прошлое, а национально-русский билингвизм становится все более привычным, расширяя свои границы за пределы городских территорий. Хотя сельское сообщество все еще остается средой, способствующей воспроизводству местных языков (востребованы СМИ на титульных языках, есть национальные школы и творческие коллективы), в последние десятилетия наблюдается активизация участия городских жителей из числа представителей титульных национальностей в практиках и инициативах по сохранению родного языка:

«В каждой деревне, в каждом селе есть женщина, которая пишет удмуртские стихи, и почти что в каждой деревне есть коллектив, который поёт эти стихи» [И. У2].

«Действительно, удмуртский язык держится на сельских жителях, но уже кто современные приехали в город – они

пытаются как бы внедрить удмуртский язык более активно и в город тоже» [И. У1].

Города, где проживает большая часть населения республик, и прежде всего их столицы – Казань и Ижевск, стали пространством новой культурной продуктивности на местных языках. Ставятся спектакли, открываются выставки, работают художественные коллективы, создаются интернет-сайты и группы в социальных сетях, организуются летние лагеря для изучения родного края и его языка, предлагаются новые туристические маршруты.

«...Все сейчас хотят писать проекты и выигрывать, и благодаря национальной тематике тоже, это стало модно» [И. У2].

Субъективная оценка востребованности языка в определенных социальных контекстах может быть проверена статистическими данными. В дополнение к уже устаревшим результатам последней из состоявшихся Всероссийских переписей населения 2010 года более актуальные сведения Микрореперисы 2015 года дают новую информацию о языках, используемых в повседневной жизни. Подавляющее большинство (69-70%) татар в Татарстане являются билингвами, т.е. де-факто используют не менее двух языков (русский и татарский), еще 30% – это монолингвы, говорящие преимущественно на одном из этих языков; 80 % используют русский язык и еще почти 90% - татарский язык, что свидетельствует о двуязычности частной и социальной жизни татар в Татарстане. В Удмуртии наиболее распространенным среди населения является русский язык, на нем говорит 90% лиц титульной национальности, удмуртский язык применяют в повседневной практике – 62%. Доля билингвов среди удмуртов заметно ниже (53%), чем среди татар в Татарстане; представительная доля удмуртов (47%) применяет только один язык и чаще всего это государственный язык страны [8].

По данным Микрореперисы-2015, не менее 28% удмуртов считают своим родным языком русский язык, хотя большинство по-прежнему называет таковым язык своей национальности (почти 72%). Приверженность татар своему родному языку выше: 96% татар назвали «материнский» язык родным, хотя возрастающая во времени доля татар упоминает в качестве родного общегосударственный язык [8], а различие русскоязычных и татароязычных татар стало широко признанным.

Воспроизводство языков и их жизнеспособность определяется не только усилиями семьи и родителей в частной сфере, но и вкладом системы образования в обучение детей на родном языке и преподавание родного языка как учебного предмета. В этом языковые ситуации в Татарстане и многих других поволжских республиках, включая Удмуртию, заметно различаются. В Татарстане насчитывается 25 школ (из них 8 филиалов) с удмуртским языком обучения

в начальных классах и изучением удмуртского языка. Если в Татарстане все еще сохраняется обучение на татарском языке, как в сельской местности, так и городах, то в Удмуртии обучение на удмуртском языке уже отсутствует, что ограничивает востребованность масштабной подготовки педагогических кадров с соответствующими профессиональными компетенциями и учебных материалов. Интеллигенция Удмуртии, отмечая значимую роль Удмуртской государственной национальной гимназии имени К. Герда (единственной в республике), ставит более скромную и вместе с тем непростую для реализации задачу расширения возможностей преподавания удмуртского языка школьникам. Это требует разъяснительной работы с родителями, которые могут выбрать удмуртский язык в качестве родного или предпочесть ему русский язык как эффективный коммуникативный ресурс, обеспечивающий ребенку восходящую социальную мобильность. Последнее происходит все чаще.

Вместе с тем, было бы ошибочным в этом отношении идеализировать языковую ситуацию в Татарстане. Хотя образовательных организаций с татарским языком обучения в регионе более 600, их численность, включая филиалы, поступательно сокращается. Кроме того, в них отдельные предметы естественно-математического цикла изучаются на русском языке, который является неотъемлемой частью языковой среды таких учебных заведений. По мнению одного из «лидеров мнения» в Татарстане: «Татарские школы они на самом деле не являются таковыми. [...] Татарские гимназии от обычной гимназии отличаются тем, что там уроков татарского языка ну на 2-3 урока больше и всё» [И. Т4].

Кроме того, возникли выраженные сложности с обеспечением школ с преподаванием на татарском языке учебниками, т.к. на законных основаниях могут применяться лишь издания из Федерального перечня учебников, рекомендованных к использованию. Даже русскоязычное издание из данного перечня для его включения в переводе на татарский язык требует многоэтапной, организационно трудоемкой и финансово затратной подготовительной работы, по умолчанию возложенной на субъекты федерации.

К настоящему времени сложилась ситуация, при которой, несмотря на обязательное изучение предмета «Родной язык», из более чем двухсот языков народов Российской Федерации, в 2021 году лишь малая доля (20 языков) имели учебники по родному языку и литературе (литературному чтению) в Федеральном перечне учебников [9], и в большинстве случаев не по всем ступеням образования (преобладают издания для начальной школы). Из шести республик Поволжья и Приуралья лишь три (Татарстан, Башкортостан и Удмуртия) в разной степени обеспечили их включение в федеральный список, что влияет на возмож-

ность сдавать итоговую аттестацию в форме основного государственного экзамена (ОГЭ) в 9 классе на родном языке. В Удмуртской Республике с удовлетворением отмечают, что школы обеспечены необходимыми учебными материалами: *«вовремя спохватились, и, как бы, теперь у нас все лицензировано. То есть теперь у нас есть какие-то новые учебники, именно интерактивные, уже электронные»* [И.У6]; *«...линейки учебников для начальных классов, среднего звена по удмуртскому языку и литературе – они все прошли апробацию на федеральном уровне. Мы, наверное, в этом плане даже впереди планеты всей среди финно-угорского мира»* [И.У3]. С количественной точки зрения все же не удмуртский, а татарский язык и литература являются лидерами по количеству учебников в федеральном перечне. Однако для Татарстана по-прежнему этот вопрос является острым, в том числе узаконивание переводных с русского языка учебников и литературы для школ с обучением на татарском языке.

Заключение. Языковая ситуация в поволжских республиках имеет общие и особенные черты. Характер этнической идентичности титульной национальности, престиж местных языков и степень языковой ассимиляции заметно отличаются, однако общие тенденции языкового развития оказываются во многом схожими, как и озабоченность препятствиями на пути обеспечения языковой преемственности и жизнеспособности языков народов Поволжья. Сравнительный анализ языковой динамики в Республике Татарстан и Удмуртской Республике свидетельствует о поступательном уменьшении численности носителей титульного языка, налицо устойчивая тенденция сокращения количества школ с преподаванием языков и на языках народов Поволжья, а также числа изучающих родной титульный язык. Национальная интеллигенция разделяет обеспокоенность нарушением межпоколенной трансмиссии родного языка в семье

(он все реже используется в общении с детьми и сохраняется главным образом в среде старшего поколения) и учереждениях воспитания и образования, хотя наблюдается оживление интереса к культуре и языку родного края среди части городской молодежи, использующей для их популяризации новые форматы, сетевые технологии и социальные медиа. «Лидеры мнения» в лице журналистов, поэтов, редакторов, актеров, авторов проектов в сфере культуры и режиссеров, активистов общественных организаций национальных республик Поволжья отмечают не только падение количественных показателей владения, использования и изучения титульных языков, но и потери качественного характера: снижение жизнеспособности и конкурентоспособности титульного литературного языка как основы самобытной местной культуры, сужение ее социально-демографической базы и механизмов обеспечения преемственности и будущности.

Изменения в преподавании родных языков, инициированные федеральными властями в 2017 году, хотя и узаконили учебный предмет «Родной язык» в школьном расписании начальной и основной ступеней образования (до 9 класса включительно), но оставили многие насущные вопросы языкового развития без ответа и более всего послужили расширению русского языка в учебной программе, уровень владения которым уже многие десятилетия имеет восходящую динамику и приближается к максимально возможным значениям. Задача сохранения культурного и языкового многообразия страны, продвижения языков народов России как многочисленных каналов формирования общероссийской гражданской идентичности стала еще более актуальной и требует разработки эффективных механизмов ее реализации, как на региональном, так и на федеральном уровнях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (ред. от 06.12.2018). [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902387360> (дата обращения: 19.09.2021).
2. Удмуртия в цифрах. 2018 год: (стат. ежегод.): / Федер. служба гос. статистики, Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Удмурт. Респ.; [редкол.: Е.А.Данилов и др.]. – Ижевск: Удмуртстат, 2019. – 351 с.
3. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2020: Стат. сб. / Росстат. – М., 2020. – 766 с.
4. Всероссийская перепись населения 2002. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 19.09.2021).
5. Всероссийская перепись населения 2010. Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf (дата обращения: 19.09.2021).
6. UNESCO Atlas of the World's languages in danger [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php> (дата обращения: 19.09.2021).

7. Воронцов В., Семенов Ю. Удмуртия. Активная позиция школы и родителей // Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы [ред. Степанов В.В.]. Вып. 1. – М: ИЭА РАН, 2010. – 223 с.
8. Микрорепись населения 2015 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 19.09.2021).
9. Приложение к Приказу Министерства просвещения РФ № 254 от мая 2020 г. Об утверждении федерального перечня учебников, допущенных к использованию при реализации имеющих аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования организациями, осуществляющими образовательную деятельность [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009140015> (дата обращения: 19.09.2021).

Информация об авторе

Низамова Лилия Равильевна, кандидат социологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии.

E-mail: lnizamov@kpfu.ru

Nizamova L.R.

THE LINGUISTIC SITUATION IN THE NATIONAL REPUBLICS OF THE VOLGA REGION: A COMPARATIVE ANALYSIS OF TATARSTAN AND UDMURTIA

Abstract. Peculiarities of the language situation in the Republic of Tatarstan and the Udmurt Republic are revealed in a comparative perspective. The study is based on the materials of semi-formal interviews with public opinion leaders (media workers and cultural figures, activists of public organizations), conducted in the summer of 2021 (16 respondents), all-Russia population censuses of 2002, 2010 and micro-census of 2015, as well as information from Rosstat and republican ministries of education. Specificity is reflected both in economic and demographic processes, the degree of attractiveness of the region, and the content of language policy, the number and the share of persons of the titular nationality as native speakers, in the native language proficiency and its use in everyday life, the learning their native language at school and teaching in the titular language. Common features include, on the one hand, an increase in the level of proficiency in the national Russian language, an increase in the proportion of people of the titular nationality who consider it their native language and choose it for study at school, and on the other hand, a decrease in the number of native speakers among the titular nationality, the number of schools with teaching of the titular languages and in the languages of the peoples of the Volga region, despite the revival of interest in the original local culture.

Keywords: native language, Russian language, titular language, native language learning, Volga-Urals region, Russia

Literature

1. Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025 (ed. from 06.12.2018). [Electronic resource]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902387360> (date of reference: 19.09.2021).
2. Udmurtia in numbers. 2018: (stat. annual.) / Feder. service of state statistics, Territory. organ of feder. services of state statistics of the Udmurt Republic. [editor: E.A.Danilov, et al]. - Izhevsk: Udmurtstat, 2019. – 351 p.
3. Regions of Russia. The main characteristics of the subjects of the Russian Federation. 2020: Stat. sat. / Rosstat. – Moscow, 2020. – 766 p.
4. All-Russian Population Census 2002. Volume 4. National composition and language proficiency, citizenship [Electronic resource]. – URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (date of reference: 19.09.2021).
5. All-Russian Population Census 2010. Language proficiency of the population of the most numerous nationalities in the subjects of the Russian Federation [Electronic resource]. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf (date of reference: 19.09.2021).
6. UNESCO Atlas of the World's languages in danger [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php> (date of reference: 19.09.2021).
7. Vorontsov V., Semenov Yu. Udmurtia. The active position of the school and parents // Ethno-cultural education. Methods of social orientation of the Russian school [ed. Stepanov V.V.]. Issue 1. – Moscow: IEA RAN, 2010. – 223 с.

8. Micro-census of the population in 2015 [Electronic resource].– URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (date of reference: 19.09.2021).

9. Appendix to the Order of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 254 of May 2020. About the approval of the federal list of textbooks allowed for use in the implementation of accredited educational programs of primary general, basic general, secondary general education by organizations engaged in educational activities [Electronic resource].– URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009140015> (date of reference: 19.09.2021).

Author

Nizamova Liliya Raviliyevna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology.

E-mail: lnizamov@kpfu.ru

КАЗАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК
#3 2021 (3)

Подписано в печать 27.10.2021

Дата выхода в свет 27.10.2021

Формат 60 x 84 1/8

Усл. печ. л. 3,5. Тираж 300 экз. Заказ № 146/10.

Цена свободная

Отпечатано в типографии
Издательства Казанского университета

Адрес издателя: 420008, г. Казань,
ул. Профессора Нухина, 1/37

тел. (843) 233-73-59, 233-73-28